

Полицейская предположила:

— Неужели эта маленькая девочка и есть тот злой дух?

Чжан Шань покачал головой:

— Вряд ли...

Полицейская:

— Как ты можешь быть уверен?

Чжан Шань посмотрел на своего наставника, и в его голосе невольно прозвучала гордость:

— Если бы эта девочка была тем злым духом, мой наставник уже давно бы действовал, а не ждал бы до сих пор. Он бы уже давно одолел её.

Полицейская, считая его слова логичными, кивнула:

— Тоже верно...

Чэнь Циньцин и остальные шли впереди, и, когда они приблизились к девочке, она внезапно развернулась и убежала.

Её шаги казались неспешными, но расстояние между ними и девочкой увеличивалось с удивительной быстротой. Единственное, что оставалось неизменным, — это её смех.

Независимо от того, как далеко она от них находилась, смех будто сопровождал их, и, несмотря на то что был день, этот непрекращающийся смех вызывал мурашки.

Лишь когда девочка снова исчезла за углом дома, её смех прекратился.

Чэнь Циньцин и его спутники продолжали идти, следуя по маршруту, которым двигалась девочка, и вскоре оказались у боковой стены дома.

Когда они обогнули стену, то невольно остановились, так как девочка снова появилась, на этот раз всего в двух-трёх метрах от них.

Увидев Чэнь Циньцина и остальных, она внезапно подняла правую руку и указала на ворота этого дома.

Затем девочка исчезла.

Полицейский Сяо Чжао недоумевал:

— Что она хотела этим сказать?

Чжан Шань посмотрел на Чжан Даолина и вопросительно произнёс:

— Наставник?

Чэнь Циньцин подошёл к воротам и, глядя на приклеенные к ним парные надписи, молчал.

Полицейская:

— Может, это её дом?

Чэнь Циньцин повернулся к Ли Хуайчжэну, стоящему рядом, и спросил:

— Войдём?

Ли Хуайчжэн без колебаний кивнул:

— Войдём!

Он добавил:

— Раз уж мы дошли сюда, как можно не войти?

Хань Годун:

— Тогда я открою замок.

С этими словами он подошёл, собираясь взломать замок...

Чэнь Циньцин:

— Не нужно взламывать. Попробуй просто толкнуть.

Хань Годун, услышав это, отложил инструменты и попытался открыть дверь.

Но едва его рука коснулась двери, она сама собой приоткрылась, что заставило его на мгновение замереть.

В этот момент Чэнь Циньцин уже стоял рядом с Хань Годуном и, слегка надавив, открыл дверь.

Дверь распахнулась, и Чэнь Циньцин первым шагнул во двор.

— Выглядит как обычный дом... — тихо пробормотал полицейский Сяо Чжао, следуя за Ли Хуайчжэном.

Действительно, дом выглядел как обычный сельский дом, ничем не примечательный, только тихий, так как в нём никто не жил.

В этот момент игрушечная пластиковая лошадка у входа начала раскачиваться вперёд-назад.

— А! Лошадка... — воскликнул полицейский Сяо Чжао.

Взгляды всех устремились на лошадку.

В следующее мгновение они снова увидели девочку, которая сидела на лошадке...

Вскоре она снова исчезла.

Затем появилась в двух шагах от них, держа в руках мяч и смотря на них. Прежде чем Ли Хуайчжэн и остальные поняли, что она хочет, она уже бросила мяч в их сторону.

Когда все замерли в недоумении, Чэнь Циньцин поймал мяч и бросил его обратно девочке...

Девочка засмеялась и снова бросила мяч Чэнь Циньцину...

Теперь Ли Хуайчжэн и остальные поняли, что девочка хочет, чтобы они поиграли с ней.

Чэнь Циньцин, снова поймав мяч, передал его Чжан Шаню. Тот, поймав мяч, растерялся, а Чэнь Циньцин сказал девочке:

— Пусть этот старший брат поиграет с тобой, хорошо?

Чжан Шань: [...]

Девочка посмотрела на Чжан Шаня, медленно улыбнулась и протянула к нему руки.

Чжан Шань смотрел на неё и думал, что если бы она не была духом, то была бы настоящим ангелом.

Передав задачу игры Чжан Шаню, Чэнь Циньцин и остальные вошли в главный дом.

Внутри всё выглядело совершенно обычно, как в обычной сельской семье.

Чэнь Циньцин подошёл к семейной фотографии, висевшей на стене, и стал её рассматривать.

Это была семья из семи человек.

Двое пожилых людей, трое молодых и двое детей.

Один из детей — мальчик около года, а второй — та самая девочка, которую они видели...

Только на фотографии она выглядела младше.

Полицейская:

— Выглядит как счастливая семья, но теперь, наверное, они все...

Она невольно вздохнула с сожалением.

Чэнь Циньцин посмотрел на неё и спросил:

— Ты считаешь их счастливыми?

Полицейская удивилась:

— Три поколения под одной крышей — разве это не счастье?

Чэнь Циньцин покачал головой:

— Фотографии иногда лгут, так как они показывают только внешнюю сторону.

Полицейская с сомнением спросила:

— Ты что-то знаешь?

Чэнь Циньцин молчал.

В этот момент Чжан Даолин, закончив читать заклинание, тихо произнёс:

— Раз!

В следующее мгновение главная комната изменилась, потеряв свой чистый и аккуратный вид, и открылась её истинная сущность...

Повсюду появились следы крови.

Теперь они стояли в комнате, где всё было залито кровью.

Если раньше это выглядело как обычный дом, то теперь он превратился в место убийства.

Даже для профессиональных полицейских такая картина вызвала неприятные ощущения.

Полицейская:

— Такое количество крови... Похоже, кто-то погиб.

Сказав это, она посмотрела на Чэнь Циньцина и наконец поняла, что он имел в виду...

Такая семья действительно не выглядела счастливой.

После этого они начали осматривать комнату, надеясь найти какую-то ценную информацию.

Вскоре полицейский Сяо Чжао спустился с этажа, держа в руках тетрадь:

— Я нашёл дневник.

— Дай мне посмотреть, — сказал Ли Хуайчжэн.

Полицейский Сяо Чжао тут же передал найденный дневник Ли Хуайчжэну.

Тетрадь была довольно новой, видно, что её использовали недолго.

Ли Хуайчжэн начал листать дневник.

Почерк был неровным, во многих местах использовались пиньини, что указывало на то, что дневник писал ребёнок. Несомненно, это был дневник той самой девочки.

Ли Хуайчжэн посмотрел на имя в дневнике.

У Цзяоцзяо.

Значит, девочку звали У Цзяоцзяо.

Ли Хуайчжэн также посмотрел на дату первой записи — 2 сентября, совсем недавно.

Чтобы все могли услышать содержание дневника, Ли Хуайчжэн начал читать его вслух.

[2 сентября, понедельник, ясно.

Сегодня я пошла во второй класс. Учитель китайского сказал, чтобы мы начали вести дневник.

Учитель сказал, что дневник — это моя маленькая тайна, и его нельзя показывать другим.]

[7 сентября, суббота, ясно.

Сегодня папа купил куриные ножки. Очень рада.]

[10 сентября, вторник, ясно.

Сегодня я играла с братиком. Очень рада.]

[16 сентября, понедельник, ясно.

Сегодня бабушка похвалила меня за то, что я хорошо готовлю. Очень рада.]

[21 сентября, суббота, ясно.

Не рада.]

Ли Хуайчжэн замолчал на этом месте.

Это была первая запись, в которой появилось «не рада».

До этого всё было только радостью.

Девочка радовалась даже самым маленьким вещам, даже конфете.

Она была очень простой и легко довольной.

Такая девочка была настоящим ангелом.

Ангелом, которого хотелось оберегать.

Поскольку в этой записи не было подробностей о том, что её огорчило, Ли Хуайчжэн продолжил читать дальше.

Ли Хуайчжэн:

— 27 сентября, пятница, ясно.

Ли Хуайчжэн:

— Больно. Не рада.

Прочитав это, Ли Хуайчжэн замолчал.

Остальные тоже замерли, переглядываясь, их брови слегка нахмурились...

[Пусто]

<http://bllate.org/book/16138/1446122>